

ЭКОНОМИКА

А.Ю. Быков

Экономист, автор книг по истории экономики

Экономические миниатюры

В этом номере научного журнала «На пути к гражданскому обществу» публикуются три очерка известного российского экономиста А. Ю. Быкова, в которых он в художественной форме раскрывает суть важнейших проблем мировой экономики второй половины XX столетия, которые и сегодня актуальны.

Ключевые слова: экономика, экономические идеологии, самодостаточность, прибыль, золото, христианство, старообрядчество, духовное, материальное.

У святого Франциска

Наступал вечер 3 декабря 1964 года. Новенький Дуглас DC-8 компании Пан Америкен рейсом 312 из Нью-Йорка коснулся бетонной полосы аэропорта Сан-Франциско и покатился на восток, все сильнее отставая от заходящего солнца.

Перелет Манфреда Дорша из Франкуфурта на Майне к Тихому океану занял двое суток. В туристическом классе нещадно курили, и у Дорша порядком разболелась голова. Тем не менее, 34-летний референт нового канцлера Германии Людвиг Эрхарда усердно готовился к встрече с президентом палаты золотопромышленников Аляски Данилой Штриневым. К концу перелета статистика добычи золота в США и Канаде была досконально изучена.

Прошло всего полтора месяца, как на смену первому канцлеру послевоенной Германии Конраду Аденауэру пришел профессиональный экономист Людвиг Эрхард.

Дорш верил в историческую миссию своего шефа. Темой кандидатской диссертации Манфреда в университете Бонна была роль экономистов в европейской политике в XIX и XX веках, и он совершенно точно знал, что самые лучшие политики - это экономисты.

Дорш работал у Эрхарда в качестве международного референта уже три с половиной года. Новый канцлер Германии был отцом дойчмарки. Ее стабильность лежала в основе немецкого экономического чуда и политики «благополучия для всех», и во многом зависела от монетарной политики США.

С 1933 года гражданам и корпорациям США было запрещено владеть золотом. Золото было полностью выведено из финансового оборота страны. Правительство скупило у населения и банков все золото по цене 20 долларов за унцию и сразу почти вдвое девальвировало доллар, установив его курс на уровне 35 долларов за унцию. В 1944 году приближавшая победа над Германией и Японией и крупнейший в мире золотой запас США позволили бумажному доллару получить в мировой торговле функцию всеобщего эквивалента, то есть функцию золота. Для этого США гарантировали своим золотым запасом, что доллар будет свободно обмениваться на золото по неизменному курсу.

Вскоре после окончания войны Федеральный Резерв начал пускать в оборот больше долларов, чем США имели золота. Америка начала жить не по средствам. К 1964 году лишь около 5% долларовой массы

были обеспечены золотом. Это серьезно беспокоило немецкого канцлера. Экономист Эрхард понимал опасность жизни Америки в долг, ведь США были единственным донором разрушенной войной Германии.

Уже через неделю после переезда в ведомство федерального канцлера Эрхард вызвал Дорша и поручил войти в контакт с золотопромышленниками в США и Канаде для возможной покупки их акций немецкими банками и концернами. Экономика Германии нуждалась в крепком золотом фундаменте.

Эрхард знал, что может положиться на своего референта. Дорш был исполнительен, вдумчив и умел молчать. Он был сыном профессора лингвистики из Гейдельберга, бойко говорил на английском и французском языках, блестяще владел латынью.

Получив свой дорожный саквояж в багажном отделении аэропорта, Дорш нанял таксомотор и приехал в отель «Святой Франциск» на Юнион Сквер. На завтра ему предстояло добираться отсюда до пригородной харчевни «Охотник», в которой ему телеграммой назначил встречу Штринев.

Место встречи в дальнем пригороде удивило молодого немца. Он представлял себе, что американские золотопромышленники пьют виски стаканами и раскуривают сигары от стодолларовых ассигнаций. Такой мог бы и в «Ритц Карлтон» пригласить. А тут деревенская харчевня. Холодный душ смягчил накопившуюся в теле усталость. Едва коснувшись подушки, Манфред провалился в глубокий сон.

Наутро доехать до харчевни «Охотник» обошлось в девять долларов. Двухэтажный дом на вершине сопки внешне производил впечатление скорее штаб-квартиры успешной корпорации, чем ресторана. Здание было целиком облицовано гранитом. Этим же камнем был вымощен тротуар перед харчевней. Такой дом должен был бы скорее стоять на одном из центральных скверов Сан-Франциско, но никак не в пригороде.

Дорш открыл тяжелую парадную дверь и через овальный тамбур вошел в харчевню. Благодаря огромным окнам в помещении безраздельно властвовал солнечный свет. Большой зал с неожиданно высокими потолками был на две трети заполнен людьми. Между столами чинно курсировали официанты.

На стенах висели многочисленные охотничьи трофеи и черно-белые фотографии с широкими паспорту. Люстры были сделаны из ветвистых рогов оленей. Столы - из резного дуба большой толщины. Солидные кресла и стулья имели высокие спинки и были обиты тканью песочного цвета. Повсюду дышала прочность. Заведение явно было популярным. Дорш посмотрел по сторонам, ища глазами столик с одним гостем.

Данила Штринев, рослый мужчина старше 50 лет, с ярко-голубыми глазами, аккуратной прической и огромной во всю грудь русой бородой, поднялся навстречу гостю из Германии и протянул ему руку.

– Здравствуйте, мистер Дорш! Я сразу узнал в Вас нового в этой харчевне гостя. Надеюсь, Вы три дня не ели и захватили с собой весь свой аппетит!

Казалось, что навстречу Доршу встал не человек, а улыбка. Открытое и добродушное лицо Штринева было разительной противоположностью металлическим лицам американских пограничников и таможенников в Нью-Йорке, принимавших в руки немецкий паспорт Дорша. Во взгляде и в голосе Штринева была какая-то недоступная уму безмятежность, о существовании которой не подозревало поколение немецких детей войны.

– Как поживаете, мистер Штринев! Очень благодарен Вам за возможность встречи! Это большая честь для меня быть сегодня с Вами в Сан-Франциско!

В дальнем углу зала, который выбрал Штринев, было светло и уютно. Здесь во всем чувствовались порядок и надежность. На стене в ряд висели фотографии мужчин с ровными большими бородами и женщин в одинаковых белых платках. Все они держали руки аккуратно сложенными на груди. На расшитой изящным узором скатерти стоял керамический графин в четверть галлона с родниковой водой, корзинка с крупными ломтями хлеба и солонка. Кресло оказалось очень удобным. Его как будто специально сделали на заказ под Дорша. Ощущение комфорта в теле позволило гостю целиком сосредоточить свое внимание на предстоящей беседе.

– Вы, конечно, устали с дороги, мистер Дорш. Да и время в Германии сейчас 2 часа ночи. Ваш интерес к работе палаты золо-

топромышленников Аляски неожиданность для меня! Вы, наверное, большая шишка в Германии, хотя и выглядите так молодо. За прошедшие две недели со мной три раза беседовали ребята из ФБР и дважды звонили из разведки. Как Вы узнали мое имя и в чем Ваш интерес к нам, Манфред? Вы позволите называть Вас по имени? У нас редко обращаются друг к другу по фамилии. Вы можете называть меня Данила.

Слова об интересе американских спецслужб к его командировке на мгновение сбили Дорша с заготовленного плана беседы. Но только очень простодушный и непорочный человек, подумал Манфред, может столь непосредственно поведать о том, что, несомненно, составляло служебную тайну и о чем надлежало молчать. Простота Штринева подсознательно понравилась Доршу.

– Большое спасибо, Данила! Установить контакт с Вами предложило наше посольство в Вашингтоне. Они нашли Ваше имя в справочниках, и прислали нам данные об объединениях золотопромышленников в США.

– Я так и подумал. Вы – первый немец, с которым мне приходится говорить в жизни. И Вы явно не частый гость в Америке, судя по Вашему английскому. Позвольте, пока не подошел официант, я налью Вам воды.

– Да, большое спасибо! Вы правы. Это моя третья поездка в США. Но первая в качестве референта федерального канцлера Германии.

– Что Вы будете есть? Здесь подают отменного лосося. Или можно выбрать что-то из дичи.

– Я выберу лосося. А что закажите Вы, Данила?

– Для меня еда – скорее вынужденная необходимость. Я возьму, пожалуй, щи из печи. Тут добротнo готовят. Хозяин заведения – русский старообрядец, как и я. Но Вы, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимание. Вы – гость, вот список блюд, выбирайте себе по вкусу. Вы интересуетесь американским золотом?

– Да, Данила. В итоге проигранной войны Германия лишилась всего своего золотого запаса. Наш новый федеральный канцлер профессор Эрхард – твердый приверженец демократии, он строит в Германии свободную рыночную экономику. Наша промышлен-

ность разрушена войной. Немцы живут пока еще бедно. Но мы трудолюбивый народ. В свободной рыночной экономике при твердой дойчмарке уровень доходов немцев растет. Но в нашем понимании экономическая свобода неотделима от золота. Этим и объясняется интерес к работе Вашей палаты на Аляске и просьба о встрече с Вами. Я благодарен, что Вы предложили встречу в Сан-Франциско, а не на Аляске. Это существенно сократило мой маршрут.

– Я по делам здесь уже неделю. Но в пятницу возвращаюсь на Аляску. Вы будете встречаться еще с кем-то на тему золота в Штатах?

– Да, у меня запланированы еще две встречи. Если бы не приближающееся Рождество, я бы продолжил свою работу и в Канаде, но это уже скорее в будущем году.

– Полагаю, что Вы по образованию финансист или юрист. А я – горный инженер. У меня техническое образование. Хотя я, конечно, что-то понимаю в экономике золота.

– Насколько мне известно, гражданам США запрещено владеть золотом. Кому Вы продаете то золото, которое добываете?

– Федеральному казначейству. По Конституции США только золотые и серебряные монеты являются деньгами. А деньги нужны всем и всегда. Поэтому безработица 30-х годов не коснулась добычи золота. Роль золота в нашей экономике огромна. Горных инженеров по золоту не призывали в армию. Конечно же, нас плотно опекают ФБР и полиция. Следят за тем, чтобы золото не попало в частные руки. Но мне как владельцу компании это совсем не мешает.

– Скажите Данила, а Вам самому разве не хочется владеть тем золотом, которые Вы добываете? Ведь во всем остальном мире, кроме США, люди владеют золотом.

– Манфред, для меня золото – это не золотой телец, а инструмент служения Богу, такой же, как земля или трактор. Мы, старообрядцы, не поклоняемся золоту. Мы поклоняемся Богу. Все материальное нам безразлично в принципе.

Удивленный услышанным, Дорш замолчал, пытаясь осмыслить слова Штринева. Он достал из кармана блокнот и принялся записывать свои мысли.

Возникшую паузу заполнил рослый официант, который на большом серебряном

подносе принес изрядный дымящийся стейк из розового лосося с рисом и двумя половинками лимона, глиняный горшок с томленными щами, салатницу с овощами и набор соусов. Данила снял пиджак и повесил его на спинку соседнего кресла. Дорш сделал то же самое. Неожиданно Штринев опустил глаза и замолчал. Дорш понял, что он мысленно читает молитву.

– *Приятного аппетита, Манфред!*

– *Приятного аппетита, Данила!*

Лосось оказался парным. Дорш любил рыбу. Не только потому, что его фамилия означает небольшую речную рыбку, самую ценную для наваристости рыбного супа. Ему нравился сам процесс ловли рыбы и ее приготовления. В Гамбурге у дяди Карла Манфреду несколько раз доводилось добывать жирных балтийских угрей и коптить их. Это был самый большой деликатес в послевоенной Германии.

– *Скажите, Данила, но ведь для американцев и канадцев, работавших в годы золотой лихорадки в Калифорнии, в Клондайке и на Аляске, именно золото было основной целью жизни. Образ золотой лихорадки родился не случайно и, вероятно, метко описывает состояние людей в те годы.*

– *Я не занимаюсь другими людьми в принципе, Манфред. Не могу ничего сказать Вам о других. Каждый из нас занимается только собой и своими детьми до их совершеннолетия.*

– *А сколько у Вас детей?*

– *Пока двенадцать.*

– *Двенадцать? И Вы совмещаете ежедневную работу с самым желанным для человека металлом с полным безразличием к нему? У Вас же есть любовь к Вашей профессии?*

Штринев откинулся в кресле.

– *Знаете, Манфред, нас интересует только одна единственная тема – это спасение наших душ для жизни вечной. Все остальное для нас либо носит подчиненный характер, либо совершенно безразлично. В жизни старообрядца не должно быть ничего, что нельзя было бы назвать любовью к Богу.*

За исключением советских военнопленных в Гейдельберге в годы войны, с которыми не было прямого контакта, Штринев был первым русским на жизненном пути

Дорша. «Gott mit uns» (нем: «с нами Бог»), – мелькнул в голове недавний лозунг нацистской пропаганды. Но Бог был явно не с Германией. Был ли Бог с безбожными Советами, дошедшими до Берлина в 1945 году? И что это за неведомые старообрядцы, русские американцы, которые так просто говорят о Боге? Никогда раньше Дорш даже не слышал слова «старообрядцы», что оно значит?

Манфред, как и его родители, был активным лютеранином, но в последние несколько лет посещения церкви стали скорее редкими вкраплениями в мозаику его плотного служебного графика. Однако надо было вернуть беседу с этим американцем в заготовленную в самолете канву. Ведь канцлер поставил задачу проработать возможность покупки акций золотых приисков.

– *Скажите, Данила, мы могли бы обсудить возможность закупки Бундесбанком некоторой части золота, которое Вы и Ваши коллеги добываете? Продаете ли Вы золото в другие страны? Могут ли немцы быть совладельцами золотых приисков в США?*

– *Моя компания за рубежом золото не продает. Золотой запас США больше, чем все золото, собранное всеми остальными странами мира. И американцы очень гордятся этим фактом. Он укрепляет сплоченность нации и единодушную уверенность нашего общества в том, что Америка является мировым лидером. Цель Вашей миссии к нам в закупках золота, Манфред? Я правильно понял?*

– *Моя задача имеет, прежде всего, научный характер,* – Манфред уклонился от прямого ответа на вопрос. – *Германия участвует в Лондонском золотом пуле, поддерживая своим скромным золотым запасом цену в 35 долларов за тройскую унцию золота. Мне по роду службы регулярно приходится делать анализ того, что происходит на мировом рынке золота. Ведь золото – кровь международной торговли. Экономика Германии растет благодаря стабильности, которую нам дает золотодолларовый стандарт. Не обладая природными ресурсами, мы зависим от эффективности нашей промышленности и от экспорта. Отсюда наше особое внимание к золоту.*

– *Я полагаю, Вы можете покупать золото в Федеральном казначействе в Ва-*

шингтоне. Поставляя на экспорт свои товары, Вы получаете доллары, а они свободно обмениваются на золото. Но зачем Германии иметь золото, ведь Вы имеете выручку от экспорта в долларах, а доллары принимаются во всем мире?

– Прочность доллара составляет золотой запас США. Прочность рейхмарки составляет золотой запас Германии, а также доллары и фунты на счетах наших банков. Только Советы не любят доллары и до сих пор платят Америке за военные поставки по ленд-лизу чистым золотом.

Неожиданно лицо Штринева стало строгим.

– Золото России принадлежит хозяйке России – Пресвятой Деве Марии! Большевики, которые вывозят золото из России, воруют его у Пресвятой Богородицы. Лучше бы они вели с Америкой торговлю и платили бы нам долларами за ленд-лиз. Советы временны. И правят там временички. Попущено им. Пока. Не Божий мир они строят. Придет время и все то, что они делают, рухнет. Ибо всякое дело человека, которое он не посвятил Богу, обратится в прах!

– А что такое русское старообрядчество? Я никогда раньше не слышал о нем.

– Старообрядчество – это вера первых христианских апостолов. Оно пришло в Россию из Византии в X веке и на протяжении 700 лет сохранялось и оберегалось в чистоте. Мы имели мощную экономику. Не стремились воевать, но воевать умели и успешно защищали себя. Беда пришла от бояр, удельных властителей, окружавших царскую династию Рюриковичей. У них материальный интерес преобладал над духовным. Так на русском троне утвердились бояре Романовы. Их увлекала идея империи, Третьего Рима. За 300 лет на троне они провели 30 войн с Османами за обладание Константинополем, и в итоге получили крах России.

– Так старообрядчество это византийская версия христианства? А разве Византия не была империей?

– Старообрядцы учатся у Бога и стараются смотреть на каждого человека так, как смотрит на него Бог. Бог видит человека с его сердцем и душой, чистыми от рождения. А грехи каждого человека, Бог видит отдельно от души человека. Нам же видеть чужие грехи не позволительно в принципе,

только свои собственные. Христианство и государство, христианство и политика несовместимы. Старообрядцам предельно чуждо само слово «империя». Это слово подразумевает наличие колоний и пресыщенную жизнь на легких деньгах. Мы отвергаем такой путь. Мы стремимся к духовной жизни, в материальном нас интересует только удовлетворение наших самых насущных потребностей.

– А какие у старообрядцев отношения с Ватиканом?

Штринев благодушно улыбнулся:

– Мы с любовью относимся ко всем без исключения. Проблема не в рядовых людях. С ними как раз все просто. Свою лепту в разделение людей вносят политики от религии. Мы считаем государство Ватикан системной ошибкой средних веков, печальным итогом отпадения Рима от старообрядчества. Ведь любое государство есть плод измененного грехом сознания человека. И Ватикан не исключение.

– В отношении Ватикана, целиком согласен с Вами, Данила. Из Библии всем нам известно, что Бог не создавал государств.

– Русские образовали свое государство в 862 году, всего за пару лет до того, как папы римские объявили себя безгрешными, неподсудными Вселенским соборам церкви и тем отпали от веры первых апостолов. Это их право и их выбор. Мы же по-прежнему считаем, что лишь только Бог безгрешен. А каждый без исключения человек грешен. Безгрешным может посчитать себя только гордый человек. Но именно по причине своей гордости сатана был изгнан из Царства Небесного. Каждый из нас стремится вернуться в Царство Небесное и ведет бой с гордостью в своей душе. Мы, старообрядцы, уже тысячу лет ничего не меняем из того, что получили от своих отцов. Сегодня русское старообрядчество есть во всем мире, не только здесь в Америке. Ибо после церковного раскола XVII века, миллионы старообрядцев покинули Россию, чтобы нам не мешали соблюдать все заповеди Библии. Суть старообрядчества состоит в бескомпромиссном исполнении Библейского кодекса во всей его полноте. В Америке мы имеем такую возможность.

– А что Вы говорили о политике?

– Политика разделяет людей на партии, то есть на части. Старообрядчество же все решения принимает соборно, то есть в интересах всех, а не большинства или меньшинства как в политике.

– Немцы тоже христиане, несмотря на двенадцать лет фашизма. Мы ходим в церкви. После войны стали ходить намного чаще. А как дела с этим вопросом в США?

– Америка очень религиозная страна. Тут в каждом городке на 30 домов есть своя церковь. Но религиозных конфессий очень много.

– Моя семья принадлежит к Евангелической церкви Германии. Ее история идет от Мартина Лютера. Мы 500 лет в конфликте с Ватиканом. Вы, конечно, слышали про Варфоломеевскую ночь, когда католики безжалостно убивали протестантов. Но того, что Вы рассказываете, я не знал.

– Романовы устроили нам Варфоломеевскую ночь длиной в 250 лет. Разница с Европой в том, что в России насилие было не со стороны традиционной веры, а со стороны новых царей. Но еще важнее то, что ни один старообрядец не оказал им сопротивления. Старообрядцев закапывали живьем, живьем сжигали, подвергали страшным пыткам, облагали двойными налогами, лишали гражданских и экономических прав, изгоняли с родины. Старообрядцы же подражали святому Андрею Стратилату и не сопротивлялись убийцам. И вот, после всех гонений по милости Божией мы есть.

– Старообрядцев действительно так жестоко преследовали за их веру, сжигали заживо? Напоминает католическую инквизицию. Можете привести примеры?

– Например, царь Фёдор Романов приказал заживо сжечь протопопа Аввакума, одного из московских священников, отказавшихся принимать исправление древних церковных книг. Протопоп Аввакум был бескомпромиссным в вопросах веры человеком. До Романовых в России никого не сжигали заживо. Вы правы, Манфред, здесь прослеживается влияние католической церкви в русском расколе. Война Рима против русского старообрядчества началась в середине XVI века, когда в Европе Мартин Лютер, Жан Кальвин и другие протестанты искали, как вернуть христианство к простоте, а реально к подлинному православию, которое и

есть старообрядчество. Для Ватикана в XVI веке было очень важно, чтобы взор протестантов не опустился на Русь. Отсюда и яростная атака, истребившая 700-летнюю царскую династию Рюриковичей. А затем и Смутное время около 1600 года, когда Россией управляла католическая Польша.

До этой минуты своей жизни Манфред Дорш считал себя неплохо образованным европейцем. Вдруг схема его исторических познаний как мозаика в повернутой детской волшебной трубе перестроилась и приняла новые черты. Она стала значительно более стройной.

– А что принесли с собой Романовы в плане религии?

Данила задумался и не спеша поправил свою огромную бороду.

– Романовы принесли рабство для миллионов крестьян, которые до них были свободными людьми. Этим они заморозили экономическое развитие России на двести лет. У раба нет интереса к результативному труду, ведь он работает за еду, а результат его труда принадлежит его хозяину. В духовном плане разница между отпавшими от старообрядчества и нами состоит, например, в том, что жизнь многих из них состоит в основном из мирских дел, а также молитв в промежутках между делами. А жизнь многих из нас состоит в основном из молитвы, а также мирских дел, при которых мы не перестаём молиться. Все в жизни человека происходит по молитвам к Богу и по полноте исполнения Библии. Старообрядцы живут в экономике пяти евангельских хлебов. Бог нас кормит и даёт нам все необходимое. Христос заветовал: ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Так мы и стараемся жить.

– Почему же тогда в России в 1917 году произошла большевистская революция?

– Причина 1917 года кроется в XVII веке. Никакой революции не было бы, если бы не было раскола русской церкви Романовыми в XVII веке. При царях Александре III и Николае II старообрядчество показало не только свою высочайшую хозяйственную эффективность, но и то, что Россия потеряла в экономике за двести предшествующих лет. Экономический успех гасит любые революционные настроения. У большевиков не было

бы никаких шансов в старообрядческой России.

– И Россия не вступила бы в Первую мировую войну в 1914 году?

– Александру III удалось избежать войн. Преодолей он или его сын русский раскол, старообрядческая Россия не поддавалась бы на провокацию Первой мировой войны. Ее просто не было бы. После возврата старообрядцам в 1905 году всех политических свобод Россия ежегодно имела двузначный рост экономики. Но с приходом в середине XIX века научно-технического прогресса регресс человеческих душ ослабил Россию. А старообрядцев оставалось не более 10% населения, хотя нам принадлежали две трети экономики.

– Не будь Первой мировой войны, не было бы рабского для нас, немцев, Версальского мира, приведшего к гиперинфляции в Германии и реваншу Гитлера в Версале в 1940 году. В Германии многие считают, что причина Второй мировой войны лежала именно в кабальных условиях Версальского мира.

– Второй мировой войны могло бы не быть, если бы мир вовремя узнал содержание шести посланий хозяйки России Пресвятой Девы Марии о событиях в России и угрозе новой еще более разрушительной войны, переданных трем пастушкам в португальской Фатиме в 1917 году. Это было в период после свержения Романовых и перед большевистской революцией в России. При шестом явлении Богородицы пастушкам присутствовало сто тысяч человек. Бог давал человечеству шанс избежать Вторую мировую войну. К сожалению, предупреждения Богородицы пастушкам были засекречены Ватиканом.

Дорш уже второй раз был потрясен услышанным от американца. В его памяти всплыли голод военных лет и ужас от падающих на Гейдельберг бомб. Всего этого можно было избежать? Католики говорили о чуде в Фатиме, но ни слова о прозвучавшем предупреждении. Манфред больше не мог вместить в себя то, о чем рассказывал ему Штринев.

– Старообрядцы живут в аскетизме, - продолжал Штринев. – Мы работаем целый день до утомления только для пропитания, но не для прибыли и роскоши. Мы не ищем

легких денег. У нас нет банковского процента. Поэтому наши товары, как правило, дешевле и качественнее, чем у конкурентов. Многими тысячами мы объединяемся в монолитные экономические блоки с нередко огромным капиталом, и добываем хлеб насыщенный в поте лица своего.

Эти слова дали Манфреду шанс переменить тему разговора, в котором он чувствовал себя все менее уверенным.

– О хлебе, Данила! Скажите, что за хлеб у нас на столе? Он очень вкусный, но у него необычная структура волокон.

– Это не пшеница, а амарант. Это наш хлеб и залог нашего здоровья и долголетия. Кроме того, здесь в «Охотнике» всю пищу готовят с молитвой. Вся еда идет Вам во благо.

– А какая роль золота в старообрядческой экономике?

– Золото – это мерило эквивалентного обмена между людьми и залог стабильности и гибкости бизнеса. Уберите золото из экономики, и Вы рано или поздно получите революцию. Во Франции Людовика XVI так и произошло. Новый министр финансов Франции Жискард д'Эстен, как я читал, родственник Людовика XV и твердый сторонник золотого франка.

– А Вы или Ваши коллеги могли бы себе представить акционеров из Германии в своих приисках?

– Германия и Япония еще совсем недавно были врагами Америки в войне. Но время лечит раны. Среди золотодобытчиков есть потомки выходцев из Германии. Вы можете поговорить с ними.

– Не ожидал встретить в Вас столь интересного человека, Данила.

– Я из себя ровно ничего не представляю. И ни один человек в мире без Бога ничего из себя не представляет. Только когда мы по смирению делаемся инструментами в руках Бога, может что-то получиться. Но это что-то, как и все на свете, есть собственность Бога. Нам же не принадлежит ровно ничего.

– Но у Вас же есть Ваша компания, Данила!

– Юридически да. Но я – лишь приказчик по управлению собственностью Бога. Нам не принадлежит ничего. Мы – временные путешественники в этом мире. Мы тут

в транзите в Царство Небесное. Не дай Бог человеку привязаться к чему-то материальному. К тому же золоту. Такой человек может так и остаться в этом мире привязанным к предмету своего интереса, и в Царство Небесное не попасть. Потому мы, старообрядцы, живем только духовным, и от всего материального свободны. И даже наша хозяйственная деятельность есть часть нашей духовной жизни, ибо она служит не получению прибыли, а духовным целям. В духовном мы самоцентричны, а в материальном – самодостаточны.

– А что Вы думаете о том, что США живут в кредит, выпуская в обращение больше долларов, чем имеют золота?

– Странно смотреть на устройство мира, построенного на жизни в кредит. Из истории мы знаем, чем это неизменно заканчивалось. Жизнь в кредит означает прочное привязывание человека материальными путями к этому миру. Она противоположна христианству с его аскетизмом. Иисус Христос сказал: «продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Продать имение, раздать деньги нищим невозможно человеку, имеющему долг, то есть ведущему жизнь в кредит.

– Эти слова Иисуса знает каждый протестант в мире! Мы за максимальную простоту во всем материальном. В Америке, насколько мне известно, это называют пуританством. Данила, я подумал о том, чтобы пригласить Вас в Германию. Я расскажу федеральному канцлеру о нашей беседе. Он выдающийся экономист. Профессор Эрхард дружит с Хайеком и Гелбрайтом. Не сомневаюсь, что он хорошо знаком с экономической моделью русского старообрядчества.

Штринев широко улыбнулся. Дорш подумал, что никогда раньше не встречал такой приятной улыбки. Это была улыбка человека чистой перед Богом совести. Она усиливала у Манфреда интерес к личности собеседника и его вере.

– Почему бы и нет. Но золота, Манфред, я Вам, к сожалению, не привезу.

Они еще около получаса уделили списку вопросов, приготовленных Доршем в самолете, а затем тепло попрощались. Штринев вежливо проводил Дорша на улицу и посадил его в таксомотор.

Манфред Дорш ехал в отель, прилепившись к мысли о том, что ему следует непременно познакомиться с русским старообрядчеством, на которое не опустил взор Мартина Лютера. «Экономика пяти евангельских хлебов» не выходила у Дорша из головы.

Вернувшись в отель «Святой Франциск», он вспомнил, что в каждом гостиничном номере в США есть бесплатный экземпляр Библии. Манфред решил перечитать те места в Евангелиях, где описано чудо, когда Иисус накормил несколькими хлебами и рыбками тысячи человек. Оказалось, что в его номере была не только Библия, но и книга сочинений святого Франциска Ассизского, покровителя города. Манфред наугад открыл ее и начал читать.

Глава «Чтобы никто не присваивал себе начальствования»: Я не для того пришел, чтобы Мне служили, но чтобы послужить (ср. Мф.20, 28), - говорит Господь. Те, кто поставлен над другими, - пусть столько же гордятся этим начальствованием, сколько, если бы были предназначены исполнять службу омовения ног братьев.

Глава «Об умерщвлении плоти»: Многие, когда сами грешат или претерпевают несправедливость, часто обвиняют врага или ближнего. Но это не так: потому, что всякий в власти своей имеет врага, то есть тело, через которое грешит. Посему блажен тот раб (Мф. 24, 46), который этого врага, преданного в его власть, всегда держит пленным и мудро его остерегается; потому, что пока он так поступает, никакой другой враг, видимый и невидимый, не может ему повредить.

Глава «Пусть никто не соблазняется из-за зла, совершаемого другим»: Рабу Божьему ничто не должно внушать отвращения, кроме греха. И если кто-либо совершит грех, а раб Божий смущается и гневается, но не из-за любви к согрешившему, то сам умножает себе вину (ср. Рим. 2,5). Тот раб Божий, который не гневается и не смущается из-за чужого греха, живет без собственного.

Глава «О смиренном рабе Божиим»: Блажен тот раб (Мф.24,46) который не больше гордится от блага, которое Господь речет и творит через него, чем если речет и творит через другого. Грешит человек, предпочитающий получить более от ближнего своего, чем воздать от себя Господу Богу.

Глава «О смирении»: Блажен раб, который так же смиренно находится среди своих подчиненных, как если бы он был среди своих господ. Блажен раб, всегда пребывающий под розгой исправления. Верный и благоразумный раб (ср. Мф. 24,45), кто во всех своих поступках не замедлит принести покаяние: внутреннее – через раскаяние, и внешнее – через исповедь и воздаяние.

Манфред с трепетом и почтением открыл книгу и задумался. Читал ли хоть один политик святого Франциска Ассизского? Как протестант он считал себя аскетом. Но сегодня он познакомился с двумя другими направлениями в христианской аскетике – православным и католическим. Приехав в Америку за золотом материальным, Дорш нашел золото духовное – экономический аскетизм.

Манфред постарался осмыслить итоги дня и взялся писать набросок отчета: шесть явлений Пресвятой Богородицы в Португалии в 1917 году и ее предупреждения о России не были приняты во внимание. В результате мир получил вторую мировую войну. Сегодня все хотят стабильности, и никто не хочет еще одной войны. Вектор хода человеческой истории зависит от духовного отношения людей к материальному богатству, символом которого является золото. Золото может быть как инструментом стабильности, так и инструментом нестабильности.

Компас экономики

Три часа дня 5 февраля 1965 года. Париж. Елисейский дворец. Резиденция президента Франции Шарля де Голля. В Sale des Fetes тысяча журналистов и правительство Франции в полном составе собрались на пресс-конференцию главы государства. Генерал говорил о Европе от Атлантики до Урала, в которую придется включить и Великобританию. И о дочери Европы – Америке. Он оценил проект Организации Объединенных Наций как неэффективный и предложил перезапустить его, начав переговоры пяти великих держав США, Великобритании, Франции, СССР и КНР на эту тему в Женеве.

Де Голль призвал мир вернуться к золотому стандарту, заявив: – *Не может быть много критерия, много стандарта, чем золото, – золото никогда не меняется, золото*

Аскеты используют золото как инструмент служения Богу. Стабильность возможна только в Боге. Поэтому аскетика в экономике равнозначна стабильности. Бог дает все необходимое тем, кто ищет Его и верит в Него. Если человек не поклоняется Богу, он служит греху. А грех – есть причина всякой нестабильности. Конспект доклада канцлеру получался необычным.

Встреча трех христиан – католика, протестанта и православного совершенно неожиданно поставила перед Манфредом вопрос о причине разделения христиан и войн между ними. Ведь на уровне простых христиан проблем никогда не было. Возможно, как раз экономическая аскетика, подумал Дорш, и есть тот путь, который нужен сегодня, чтобы Германия излечила в себе дух войны. Настоящие аскеты ни в чем не нуждаются, живут в самоцентричности и самодостаточности. Аскеты друг с другом не воюют. Манфред хорошо знал о том, что еще совсем недавно вся Германия хотела войны. И даже десятилетия после поражения, немало немцев были убеждены в том, что война была проиграна ими по какой-то случайности. К христианству и стабильной жизни в Боге такие взгляды не могли иметь никакого отношения. Германия, думал Дорш под впечатлением трудов святого Франциска, остро нуждается в христианской экономике.

может делиться на слитки и монеты, золото не имеет национальности, оно испокон века и всемирно признано безальтернативной ценностью абсолютного доверия.

Франсуа Менаж, экономический обозреватель газеты «Вечерний Париж», и Самаритана Романо, корреспондент миланской газеты «Голос народа», сидели рядом в седьмом ряду напротив президента Франции. Оба сосредоточено записывали, старясь не упустить ни одного слова. По окончании пресс-конференции коллеги условились встретиться в восемь вечера в баре отеля Бристоль.

К их приходу в лобби отеля и баре царил возбуждение. Весь Париж в этот вечер говорил только об утренней пресс-конференции президента Франции. Наэлектризованные бармены притормаживали у

столиков, чтобы вслушаться в ход бесед, на бегу вставляли свои пять сантимов, и как дрожжи разносили новости. Отель гудел. Журналисты, дипломаты, разведчики, банкиры и лоббисты жадно собирали факты, прогнозы, мнения и слухи, слухи, слухи. Драматургическая прочность их докладов и репортажей была гарантирована масштабом сказанного утром генералом де Голлем. К Самаритане и Франсуа, занявшим круглый столик в середине бара, присоединился американец Эд Томсон, экономический обозреватель «Бостон Таймс».

Франсуа, протирая белоснежным шелковым платком свои очки, неспешно промолвил:

– Не стану скрывать, я восхищен нашим президентом. Он сегодня произнес историческую речь. Де Голль расставил акценты и осмелился сказать то, что в последние годы не говорит ни один другой политик: живя в долг у всего мира, Америка ведет человечество к невиданной финансовой катастрофе!

– Согласна с тобой, Франсуа, – с красивым итальянским акцентом произнесла Самаритана, – Американцы живут не по средствам. Печатают свои доллары, сколько хотят. Скажи, Эд, а что, если через пару лет вам вернутся все ваши бумажные доллары, а все золото уйдет из Америки? Что вы тогда будете делать?

– Де Голль совершил сегодня большую ошибку, – Эд не скрывал своего неудовольствия. – Он объявил войну не доллару, а правительству США. Это может дорого обойтись Франции. Победить США невозможно. Доллары не являются обязательством правительства США. Их выпускает частная группа банков – Федеральный Резерв. А вот золотой запас принадлежит Правительству США. Оно может и не платить золотом за бумажные доллары ФРС.

– Но, дорогой Эд, – поднял брови Франсуа, – мы с тобой оба экономисты и понимаем, что реальный курс уже давно не 1,1 доллара за грамм золота, а намного меньше. Америка запустила маховик скрытой инфляции, на которой наживается. Мы, французы, поставляем вам товары, получаем за них доллары, но понимаем, что содержание золота в этих долларах с каждым годом все меньше. Генерал де Голль абсолютно

прав. Неконтролируемый выпуск долларов без обеспечения их золотом не может не привести к финансовой катастрофе. Требование де Голля вернуть золотой стандарт лишит США возможности оплачивать свой торговый и платежный дефицит долларами. Платить впредь Вам придется только золотом.

Эд никак не хотел уступать. Ведь войну выиграла Америка, а Франция только присоединилась к победителям, которые ее освободили.

– Да, брось ты, Франсуа. Федеральный Резерв еще лет двадцать, если не пятьдесят должен печатать бумажные доллары в таком же темпе, чтобы мировая экономика насытилась ими. Ведь доллары идут в резервы центральных банков, всех банков мира, десятков тысяч корпораций, ведущих внешнюю торговлю, и под матрацы у сотен миллионов людей по всему миру. Какой кризис? Де Голль делает из мухи слона. А как еще можно было восстановить разрушенную экономику Европы, как не свободной эмиссией доллара? Как бы мы еще экономически опередили Советы?

– Тысячи лет все люди копили золото и верили золоту, а теперь все должны копить ваши доллары? – казалось, что в этот момент Самаритана выступала в Римском сенате. – Но ведь все понимают, что вы, американцы, долларов печатаете больше, чем у вас есть золота. Сколько революций было в ответ на игры с бумажными деньгами? Европе не нужна новая революция! Мы не можем прийти в себя после двух мировых войн, Эд!

Эд только хмыкнул в ответ, пододвинул свое креслице к столу и налег на дюжину свежих устриц, которых принес ему официант.

Самаритана пробежала по записям из своего блокнота текст утренней речи президента Де Голля, размешала в кофе горячее молоко, сделала глоток и продолжила:

– Итальянские коллеги, с которыми мне сегодня удалось обменяться мнениями, считают, что от возвращения золотого стандарта цена на золото вырастет в пять-семь раз. Изменится масштаб цен и объем мировых валютных резервов, но это чисто технический вопрос. Правда, в выигрыше будут крупнейшие производители зо-

лота – Южная Африка и СССР, чьи резервы вырастут в стоимости.

– Мир стоит на перепутье. – Подхватил Франсуа. – *Пойти налево в сторону жизни в долг, инфляции, нестабильности и угрозы новых войн или же пойти направо в сторону стабильности и соревновательности экономических моделей? Какой выбор сделает мир?*

Франсуа остановил пролетавшего мимо бармена, попросил принести ему бокал розового вина и, как будто копируя медленный темп выступления своего президента, четко проговаривая каждое слово, произнес:

– *Я написал в своем комментарии сегодня, что человечество стоит перед возможным самым важным выбором в своей истории. Либо мы вернемся к стабильности и разумной достаточности, определяемым всегда ограниченным количеством золота. И именно в этом суть послания президента де Голля. Либо мы вслед за США будем жить в долг перед будущими поколениями и начнем движение к пропасти мирового финансового кризиса с непредсказуемыми последствиями.*

Самаритана, отрываясь от чтения своего конспекта речи де Голля:

– *Как точно ты это сказал, Франсуа! Жизнь в долг может постепенно привести к отмене вообще всех ограничений, в том числе религиозных и нравственных.*

– *И вместе с этими ограничителями мы можем незаметно отключить и экономические предохранители.* – Франсуа явно проговаривал вслух набросок для недельного обзора. – *И тогда не получим сигналы от датчиков опасности. Жизнь в долг способна по спирали роста потребления, опережающего воспроизводство, привести всю планету к самопроеданию! Мировой экономике нужен объективный регулятор. И им всегда было золото.*

Эд поправил подушку у себя за спиной:

– *Коллеги, вы сильно сгущаете краски. Де Голь говорил сегодня лишь о мифической угрозе финансового кризиса. Я горжусь тем, что я – американец. Америка имеет мощную систему нравственных ценностей. Мы готовы всем пожертвовать за свободу и демократию. У нас самая передовая промышленность. Наша нация едина. Мы победили Германию и Японию. У нас независимые суды. Нашему обществу никак не грозит нрав-*

ственная деградация. Именно Америка даст человечеству новое стабильное и благополучное мироустройство! И оно может быть вечным.

– *Стабильное вечное мироустройство?* – улыбнулся Франсуа. – *Но это как раз де Голь говорил сегодня с позиции вечности. Разве в мире есть что-то более долговечное, чем золото? Добытое тысячи лет назад, оно до сих пор в обороте. С позиции вечности говорит Библия. Она высоко ставит золото. В Библии золото упомянуто 266 раз!*

– *Но, Франсуа, вечность понятие скорее духовное, а золото не может иметь духовного измерения.* – Самаритана была готова вступить в бой, если ей казалось, что догматы католической церкви нуждаются в защите.

– *Вот именно!* – вскинул голову Эд.

Франсуа улыбнулся в свои огромные полные седины усы:

– *Повторю по смыслу идею генерала де Голля. Золото есть барометр и компас экономики. Свободная рыночная экономика невозможна без свободного обращения золота как платежного средства. Экономика развивается поступательно, если она опирается на стабильность золота. Сегодня Франция как родина свободы и демократии встала на защиту свободной рыночной экономики!*

– *Ну, положим, демократия родилась не во Франции, а в Греции.* – прервал мысленные триумфы Франсуа Эд. – *А степеней свободы у экономики, которая есть отношения между людьми, очень много. Можно долго спорить об этом, дорогой друг.*

– *Франция совсем недавно обменяла 150 млн. долларов на золото,* – продолжил Франсуа, – *и приготовила еще 150 млн. долларов к обмену. Испания обменяла 60 млн. долларов. Глава казначейства США Дуглас Диллон буквально перед речью де Голля объявил, что платежный дефицит США в 1964 году достиг рекордных 3 миллиардов долларов, что равняется 20% золотого запаса США. При таком положении, если примеру Франции и Испании последуют другие страны, особенно Япония, Германия и Канада, которые держат большие резервы в долларах, то за 2-3 года Америка может потерять половину своего золотого запаса. А за 5 лет потерять свой золотой запас целиком! Это равнялось бы полному коллапсу проекта*

под названием США. Мы, несомненно, живем в поворотный момент мировой истории.

Эд и Самаритана от удивления синхронно округлили глаза.

В голове у Франсуа замелькали мысли о новой лидирующей роли Франции в мире после инициативы генерала де Голля. Недавняя потеря колоний пошла Франции на пользу. Элита страны создала такие алгоритмы корпоративного управления, которые принесли лидирующие позиции в мире французской моде, виноделию, парфюмерии, косметике, кинематографу и были применимы к дизайну, брендам, энергетике, туризму, авиации и многим другим отраслям мировой экономики. Франсуа, как и многие другие французы, считал вдову президента США Джона Кеннеди Жаклин воплощением победы французского стиля и французской культуры.

Самаритана решила поглубже развить диалог на тему дня:

– Франсуа, вернись, пожалуйста, к своей мысли о связи золота и свободной рыночной экономикой. Я бы написала статью на эту тему.

– Дорогая Самаритана, свободная рыночная экономика подразумевает примат экономики над политикой. – Франсуа решил внести в разговор один из догматов классической экономики. – Хотя такой приоритет всегда условен, все мы понимаем, что на деле правит политика, просто под разными флагами и цветами. И все же при примате экономики над политикой, хотя бы при нейтралитете политики именно золото не позволяет политике грабить население инфляцией бумажных денег и глупыми налогами.

– Золото, по-твоему, это такой финансовый полицейский? – хмыкнул Эд.

– Золото мгновенно наказывает политику за ошибки и утекает туда, где политика ведет себя разумно, – пожал плечами Франсуа. – При денежном обращении в золоте инфляции теоретически не может быть, а доходы населения год от года растут.

– За ошибки политиков все народы мира платят своим золотом, кроме нас, американцев, – Эду хотелось найти хоть что-то положительное в запрете иметь золото в собственности для граждан США.

– Бар точно не место для столь серьезного разговора, но уже день был действительно исторический. Вопрос о роли золота в мировых финансах важен как одна из внешних граней гораздо более важного вопроса – о выборе экономической идеологии для человечества. Из истории нам известны десятки экономических учений. Но все эти учения можно разделить всего на две группы в зависимости от экономической идеологии, к которой они относятся.

Самаритана заинтересовалась:

– Что за экономические идеологии?

Франсуа:

– Их существует всего две: идеология удовлетворения насущных потребностей, чаще именуемая идеологией разумной самодостаточности, и идеология прибыли. Идеология разумной самодостаточности несет в себе приоритет духовного в жизни общества. Идеология прибыли подразумевает приоритет материального. Идеологию самодостаточности находим у блаженного Августина, Петра Столыпина, русских старообрядцев и в практике всех ремесленников и фермеров в мире, которые занимаются физическим трудом. А вот такие авторы экономических учений как Петти, Милль, Маркс, Маршалл, Кейнс, Фишер и даже Фома Аквинский – апологеты идеологии прибыли. В этом смысле марксизм – это овощ с той же грядки, что и кейнсианство.

Самаритана:

– Из Библии все мы знаем, что дух первичен, а материя вторична. Значит, по-твоему, с точки зрения Библии в экономике правы те, что у кого приоритет духовного?

Франсуа:

– Именно так! Библейская аксиома о том, что дух первичен, а материя вторична, указывает на заблуждения множества известных авторов экономических учений. Ведь с аксиомой не поспоришь!

– А что с Россией, Франсуа? Они же там все марксисты, то есть материалисты!

– Будучи идеологически марксистом, в экономике Сталин марксистом никогда не был. – Франсуа как лектор в аудитории приподнял левую руку. – Это принципиально важно. Формула у Маркса «деньги – товар – больше денег с прибылью у капиталиста». Формула же Сталина «деньги – товар –

меньше денег за счет планового снижения цен на основе снижения себестоимости производства, но выше покупательная способность денег у каждого». Всего 10 лет прошло с тех пор, как русские шесть лет подряд снижали все цены на потребительские товары и в итоге снизили их в три раза! Это было невероятно! Сталин растоптал Маркса в пыль.

– Да, рубль обеспечен золотом, - продолжал Франсуа: Золото - это объективный экономический индикатор для понимания сути поворотного момента истории, в который мы живем. Именно через золото мы можем понять и поправить слабые места экономических учений, построенных на идеологии прибыли, которые доминируют в мире.

– И де Голль – один из немногих, кто, кажется, это понимает, – заметила Самаритана.

– Царская Россия брала в Европе иностранные займы в золоте и не вывозила его к себе, - продолжал Франсуа. - Поэтому до начала революции значительная часть русского золота хранилась не в России. Правящие династии Европы после революции отказались предоставить убежище Романовым. А после убийства царя и его семьи в 1918 году они оставили русское золото себе. Большевики же, чтобы получить признание великих держав, отказались от претензий на царское золото.

Эд был искренне удивлен услышанным:

– Мы в Америке ничего не читали об этом, Франсуа...

Менаж продолжил:

– Золото на протяжении тысяч лет естественно играет роль денег. Свободное обращение золота исключает инфляцию, заставляет промышленность и село снижать себестоимость производства и увеличивать производительность труда. Это объективно ведет к снижению цен, позволяет экономике обходиться вообще без банков. Что заставляет банки зарабатывать не банковским процентом, а услугами бизнесу.

Эд сосредоточенно промолвил:

– Но сегодня практически все золото мира собрано у нас в Америке.

Франсуа:

– Тем не менее, в мире нет свободного обращения золота. Нет его и в США. Золото

стало заложником Америки. В итоге войны вы взяли золото мира в плен.

– В плен? – отрыла рот Самаритана:

– Да. Это так. – Франсуа развивал свою мысль. - Сегодня в опасности все человечество, у которого американцы забрали его экономический компас, подменив его бумажным долларом. Золото объективно. Доллар субъективен. Именно золото указывает нам на опасность практикуемых в мире экономических доктрин, построенных на идеологии прибыли. Политика ненавидит золото. Ибо золото несет с собой жесткую финансовую дисциплину. Расходовать можно только имеющееся золото и ни шага дальше. Де Голль сегодня указал на огромную опасность, но и на шанс перемен одновременно.

– Ты хочешь сказать, Франсуа, что Америка выбрала приоритет материального? – не отставала Самаритана.

– Именно это фактически и сказал сегодня генерал де Голль. – Франсуа приступил к праведному обличению заблудших. – Идеология прибыли обещает американцам неограниченное потребление при их новом образе жизни в долг у всего мира. Но, поставив материальное, то есть по сути вторичное на первое место в своих приоритетах, Америка совершает фатальную цивилизационную ошибку.

Самаритане понравился образ цивилизационной ошибки Америки. Европа одновременно восхищалась Америкой и недолюбливала ее. Она поддержала Франсуа: Согласна, вспомни, как сотни коллег буквально бежали сегодня из Елисейского дворца писать телеграммы во все концы света.

– Сегодня Франция сделала попытку спасти Европу, давшую миру нравственность и науку, – продолжал Франсуа. - Мир стоит на развилке решающего выбора. Мы вышли из германского плена, как Моисей с народом из египетского.

– И впереди нас ждут сорок лет пути в пустыне? – Самаритана вдруг подумала, что сегодня в Елисейском дворце темой пресс-конференции был вечный выбор между поклонением Богу и поклонением золотому тельцу.

– Сегодня президент Франции предложил миру сделать очень важный выбор, – как будто прочитал ее мысль Франсуа. – Вы-

бор между приоритетом духовного и приоритетом материального. Призыв вернуть золото как компас мировой экономики означает призыв определиться, что такое золото – это важный экономический инструмент или же центр жизненных интересов? Но вопрос еще и в том, есть ли у нашего поколения свой Моисей? Де Голлю скоро уже 75 лет. В ком ты видишь Моисея современности, Эд?

Гул в баре и холле отеля усиливался. Атмосфера всеобщего возбуждения несмотря на весьма поздний час не снижалась и грозила продлиться глубоко за полночь. Курили практически все. Табачный дым плотно занимал все пространство и нес с собой то аромат британских трубочных смесей, то ядовитый запах папирос Галуаз, то приятную терпкость американских сигарет.

– Возврат к золотому стандарту, – рассуждал вслух Франсуа, – даст миру экономическую стабильность, принудит правительство США и Великобритании к жесткой финансовой дисциплине, которой сегодня нет. Вашингтон и Лондон не смогут больше безлимитно эмитировать и тратить доллары и фунты.

Эд:

– Меня, по правде говоря, весь день заботит выбор времени для пресс-конференции президента де Голля. Что-то подсказывает мне, что он обращался совсем не к Америке, а к новым парням в Кремле. Прошло почти четыре месяца, как убрали Хрущева, тот было натянул на себя баиньки покойного дядюшки Дžo, но в экономике он был недоучкой. Франция за эти месяцы вполне могла навести новые мосты к Москве. Любовь де Голля к России ни для кого не секрет. Ребята, у меня, кажется, созрела статья. Пожалуй, я пойду писать продолжение своего репортажа.

Эд достал роскошный серый бумажник из мягчайшей кожи оленя, рассчитался с подоспевшим барменом, пожал руки Франсуа и Самаритане и устремился к выходу.

Наедине с Франсуа Самаритана почувствовала себя свободнее и, немного подумав, сказала:

– Знаешь, Франсуа, у моей тетушки Маргариты и ее мужа есть друг, Георг Заутер. Это известный швейцарский банкир, он живет в замке своих предков между Женевой и Лозанной. Мы с тетушкой пару раз бывали у него. Он тоже навещал нас в Милане и на озере Комо. Георг работает в Банке международных расчетов в Базеле, и считается одним из крупных знатоков мировой финансовой системы. Так вот он говорит, что американцы в 1944 году создали механизм, при котором все народы мира теперь сами добровольно несут им все свои деньги, ресурсы, товары и услуги. Всем странам для торговли, инвестиций за рубежом, создания резервов теперь нужны доллары. США собрали у себя две трети мирового золота и вывели его из мирового оборота, подменив долларами.

– Напечатать стодолларовую бумажку стоит всего 3 цента, а Америка за нее получает товаров на три тройские унции золота! Банкнота – это все лишь долговое обязательство, но не похоже, что Америка думает о том, чтобы возвращать свои долги. Вот это бизнес, Самаритана! Подумай, ведь долларов, не обеспеченных золотом, уже пара сотен миллиардов!

– Тетушка Маргарита переслала мне открытку с приглашением от Георга. Не хочешь ли составить мне компанию? Заутер точно будет подробно расспрашивать меня о речи де Голля. Мне одной с ним не справиться. Но с Георгом можно за один разговор собрать материал на несколько статей.

– С радостью! Я читал статьи Заутера в «Файненшл Таймс». Это яркий аналитик. Думаю, что то золото, которое американцы не смогли собрать у себя, сегодня хранится в Швейцарии. Только Индия не отдаст свое золото никому. Там древний культ золота и на его основе полная экономическая стабильность. Разговор с Заутером может получиться интересным. Когда едем?

– Давай в марте. Завтра я дам ему телеграмму. Когда Георг предложит даты, позвоню тебе и возьмем билеты на поезд до Женевы.

– Договорились!

Диалог у озера

Шестого марта 1965 года пришлось на субботу. Утренний завтрак на залитой солнцем лужайке в замке «Суд золота» в Буж-Виллар готовился на густом бульоне весенних альпийских ароматов. В воздухе стоял полный штиль. Камердинер Пьер в строгом антрацитовом фраке и белых перчатках благодушно сервировал стол. С лужайки открывалась феноменальная панорама на долину Женевского озера и Альпы.

По левую руку, примерно в пятнадцати километрах хорошо просматривалась швейцарская Лозанна и ее пригороды. Три километра до Женевского озера во всю длину панорамы были заняты ровными рядами виноградников. Реснички вековых деревьев своими кронами надежно скрывали поместья, лежащие прямо у кромки воды.

За озером на фоне далекого Монблана были видны небольшие постройки французского Эвиана, к которому как раз прокладывал свой курс водный трамвайчик. По правую руку угадывались дальние окраины Женевы. Удаленный на десятки километров горизонт невольно располагал к просторным размышлениям.

В пейзаже еще преобладали холодные тона, но утреннее солнце уже набрало силу и подарило долине двадцать три градуса тепла. Разве что темно-красные махеровые пледы, на случай холодного ветра предусмотрительно перекинутые через спинки кресел, напоминали о марте.

Радостное утреннее пение птиц настраивало на безмятежность. Суббота уже вошла в свои права, лишь толстые, с большими вкладками еженедельных объявлений газеты, веером разложенные на антикварном китайском столике, досадливо напоминали о том, что по будням кое-где на планете бурлила деловая жизнь.

Столовое серебро торжественно сияло. Посуда и вся утварь были британской работы. Продуманная тщательность каждой детали завтрака создавали ощущение основательности. Пожалуй, самым колоритным предметом декорации была пара стильных двухцветных Роллс-Ройсов, чинно стоявших неподалеку. Порядок в имении был

строгим. Заутеры владели Cour d Ore более пятисот лет. Здесь каждый камень был с ними на Вы.

Георг Заутер, высокого роста стройный мужчина пятидесяти двух лет, ожидал своих гостей, уютно сидя в кресле. Он был одет в австрийский войлоковый пиджак с зелеными отворотами, белую рубашку в крупную синюю клетку и бежевые брюки.

Из внутреннего двора замка, улыбаясь и жестикулируя, вышли Самаритана Романо в нарядном платье лавандового цвета и Франсуа Менаж в синем пиджаке монашеского яхт-клуба и белых брюках. Накануне вечером их прямо с поезда доставили в замок бесшумным лимузином и разместили в гостевых опочевальнях. Горничная Беттина принесла гостям из Парижа чай с бергамотом и корзинки небольших сендвичей и печенья. К утру наши журналисты крепко выспались, выглядели свежо и явно находились в хорошем настроении.

– *Доброе утро, дорогой Георг!* – Самаритана приподнялась на цыпочки и поцеловала Заутера в обе щеки. Привезенный ею знак внимания - итальянский шелковый платочек благородных рубиновых тонов тут же занял почетное место в нагрудном кармане хозяйского пиджака.

– *Самаритана, Солнышко, большое спасибо тебе и добро пожаловать в Швейцарию!* – Заутер обнял гостью, подвел ее к столу и помог ей устроиться в кресле слева от себя.

– *Доброе утро, господин барон!* – с поклоном приветствовал хозяина Франсуа. – *Для меня большая честь быть Вашим гостем. Я с неизменным интересом читаю Ваши статьи о мировых финансах.*

– *Приветствую Вас, месье Менаж! Рад знакомству с Вами. Самаритана восторженно писала мне о Вас. Присаживайтесь, пожалуйста.* – Заутер вежливо предложил гостю почетное место по правую руку от себя. – *Вы можете называть меня Георг. Мы в Швейцарии не используем дворянских титулов. Здесь, конечно, существует уважение к древним родам. В некоторых кантонах даже есть корпорации старинных семейств. Но слово*

барон по отношению к коренному швейцарцу не вполне корректно. Члена древнего рода в некоторых кантонах Вы узнаете потому, что в номере его автомобиля всего одна, две или максимум три цифры. Но это почти единственная наша привилегия.

– А вот и Мандред! Самарита, Франсуа, позвольте представить Вам доктора Манфреда Дорша из Германии. Манфред – сын моей кузины из Гейдельберга и по совместительству личный референт профессора Эрхарда.

Манфред тепло поприветствовал дядю и вручил ему привезенную бутылочку молодого баденского троллингера. Поздоровавшись с гостями, он занял за столом место напротив хозяина.

Беттина и Пьер принялись ненавязчиво ухаживать за собравшимися. Кофе, чай, шоколад, горячее молоко, ароматные круассаны, теплые багеты, поджаристые крок-месье и крок-мадам, мягкое коровье масло, яйца всмятку, сыровяленные колбасы, свежие паштеты из гусиной печени, плато швейцарских сыров, зеленый салат, оливки, цитрусовые мармеладки, морская соль с травяными приправами начали как будто сами по себе, раззадоривая аппетит, в разных направлениях динамично пересекать геометрию стола. Лишь два нежных букета альпийских цветов в белых вазочках продолжали поддерживать диагональ между замком и Женевским озером.

– Большое спасибо тебе за вино, Манфред! Откроем его за ужином! Что нового в Германии? Как родители? – начал беседу Заутер.

– Дорогой дядя Георг, очень рад тебя видеть в добром здравии! Родители передают тебе свои приветствия и приглашение в Гейдельберг. В Германии дела идут превосходно. Мы много работаем. Свободная рыночная экономика – большое благо для нас. Хотя, конечно, повсюду еще видны последствия войны. Но настроение у людей хорошее. Немцы верят в своего канцлера.

– Ты знаешь, Манфред, – улыбнулся Георг, – размышляя о твоём новом статусе, я вспомнил о том, что в один день сменились лидеры в России, Великобритании и Германии. В мире как будто сошлись и

столкнулись какие-то силовые векторы. Хрущев конечно всех раздражал, но еще совсем недавно было трудно себе представить, что его так легко удалят со всех постов. А тут еще политический волнорез речи генерала де Голля по золоту. Франсуа и Самаритана были 5 февраля в Елисейском дворце. Очень жду их рассказа.

– У меня тоже есть ощущение перемен, – заговорил Дорш, – но оно скорее интуитивно. Объяснить себе его я пока не могу. Посмотрим, как будет развиваться тема золота. Самаритана, Франсуа, расскажите, пожалуйста, о речи президента де Голля. Мне очень хотелось бы знать подробности его выступления.

– Президент был величаво спокоен, – начал Франсуа. – Он как всегда знал свою речь наизусть, но использовал напечатанный текст для управления интонацией и расстановки акцентов. Ситуация, когда Америка печатает долларов много больше, чем имеет золота в их обеспечение, беспокоит не только Францию. Вы, возможно, помните, что в 1952 году, когда эта тенденция еще только обозначилась, Сталин предложил создать в мире зону свободной торговли на основе золота и без доллара. Тогда половина планеты сразу же с этим согласилась. Но Сталин умер. И США продолжили печатать пустые доллары.

– Нас было свыше тысячи человек в зале Елисейского дворца, – продолжила рассказ Самаритана. – Речь генерала де Голля на всех произвела сильное впечатление. Было ясно, что мы присутствуем на историческом событии. Текст речи, я полагаю, Вам известен. Он краток. Через двадцать лет после Бреттон-Вудских соглашений Франция предложила вернуть золотой стандарт. Это был вотум недоверия доллару.

– Мы тоже видим, что Америка живет в эпоху легких, по сути бесплатных денег. Это, конечно, следствие примата политики над экономикой в США, – заметил Дорш.

– Никола Макиавелли в книге «Государь» писал, что самый вооруженный и самый свободный в мире народ – это мы, швейцарцы, – с гордостью сказал Заутер. – Это и после открытия Америки так. Наша свобода требует от нас максимальной самодостаточности. Благодаря ей и нашему

нейтралитету нам удалось избежать многих войн, в которые были вовлечены все государства вокруг нас.

– О, да! Швейцария традиционно вооружена до зубов и при этом нейтральна, – вставил Франсуа.

– Это так, – кивнул головой Заутер, – но главное оружие Швейцарии – это наша банковская тайна. Мы храним золото состоятельных людей из большинства стран мира. Во всех воюющих державах понимали, что могут проиграть, и на этот случай держали свои резервы в золоте в Швейцарии. По этой причине никто и не думал оккупировать Швейцарию. Развивая мысль Манфреда, можно сказать, что Швейцария мудро придерживается примата экономики над политикой. У нас политика служит экономике.

– Георг, а что Вы скажете о речи генерала де Голля по золоту? – задал вопрос Менаж.

– Знаете, Франсуа, – не спеша заговорил Заутер, – из маленькой Швейцарии дело представляется примерно следующим образом: две мировые войны велись за прибыли, за колонии, за контроль над золотом. И оба раза победили Америка и Великобритания. Правда, еще одним тихим победителем была Швейцария, собравшая никому неизвестно, сколько тысяч тонн золота со всего мира. Я предполагаю, что генерал де Голль видит в долларах, не обеспеченных золотом, предпосылку для начала новой войны за золото. Как человек, прошедший через две мировые войны, он не может допустить даже мысли о еще одной войне. Отсюда эмоциональность его недавней речи. И он прав хотя бы потому, что Бреттон-Вудская система находится на грани краха. Что он предпримет на практике, пока до конца понятно, но линия генерала прагматична. Франция продолжит менять доллары на золото пока это возможно.

– Георг, Вы, как и де Голль полагаете, что мировой финансовый кризис неизбежен? – Самаритана уже открыто записывала разговор в свой блокнот. Намечалась большая статья.

– Думаю, что это так, Солнышко! И этот кризис придет в Швейцарию много нового золота, – в Заутере говорил его патриотизм.

– Дядя Георг, – поднял голову Манфред, – позволь вопрос к твоему тезису о роли золота как причины двух мировых войн. В Германии многие до сих пор связывают начало первой мировой войны с созданием Федерального Резерва США в 1913 году. Что ты думаешь об этом?

– Я никогда не разделял эту точку зрения. – Заутер отрицательно покачал головой. – Первая мировая война практически началась в Боснии в 1908 году за пять лет до учреждения ФРС. Но тогда русский премьер-министр Столыпин предотвратил вступление России в войну. К сожалению, его убили. А в 1914 году в России уже не нашлось подобного политика.

Франсуа встал, не спеша охватил взглядом панораму Женевского озера и, четко проговаривая каждое слово, заговорил:

– Я не очень верю в то, что причиной двух мировых войн было чье-то желание собрать все золото мира. Это было бы слишком страшно, чтобы быть правдой. Скорее обе мировые войны были не за золото, а за природные ресурсы. Почти все войны в истории были за ресурсы. Ваша мысль, однако, верна в том, что дважды заставить христиан Европы убивать друг друга десятками миллионов могла только жизнь в обстоятельствах, сложившихся на фундаменте экономической идеологии прибыли.

– И ты, таким образом, не согласен с тем, что есть угроза новой мировой войны за золото? – спросила Самаритана.

– Я пока не вижу такой опасности, – твердо произнес Франсуа. – За что воевать, если почти все золото мира собрано в США под зонтиком атомной бомбы. Опасность пока скорее теоретическая. Однако по своим долгам Америке приходится платить. Проблема в том, что США уже привыкли к легким деньгам и не захотят отказаться от жизни в долг. Это как наркотик.

– Мы насчитали уже три возможных причины начала войны, – заметил Манфред: кабальные для Германии условия Версальских соглашений, борьба за золото и борьба за колонии и ресурсы. Но какую причину мы бы не взяли, все они есть следствия жизни в экономической идеологии прибыли. А вот самодостаточная Швейцария войны как раз смогла избежать.

– Дорогой Георг, а как Вы оцениваете статьи о золоте в «Тайм» за 12 февраля? – спросила Самаритана и элегантно положила коробочку оточенных карандашей справа от своего блокнота.

Заутер, несомненно, ждал этот вопрос. Он мысленно вернулся к трем материалам того номера: о речи де Голля по золоту, об экономической реформе в России и о поездке Косыгина в Китай и Вьетнам. Георг хорошо понимал, что главное в «Тайм» было написано между строк. Ведь в 1960 году несколько капитанов американского бизнеса имели откровенные беседы в Кремле. Их тогда поразило дилетантство многих членов Политбюро. Оказалось, что эти ребята всерьез судят об экономической политике в США по статьям в американской прессе. Тогда в Вашингтоне посмеялись, и приготовили для Кремля целый веер статей типа «Флирт коммунистов с прибылью» в февральском «Тайм».

– «Тайм» за 12 февраля был весьма интересным выпуском, – произнес Георг. – Он возносит на Олимп тех советских экономистов, которые предлагают перевести страну в идеологию прибыли. Эти веяния – итог шести хаотичных экономических реформ Хрущева. «Тайм» пишет о том, что за годы правления Хрущева наметилась серьезная эрозия прежних успешных рецептов управления и самой экономической доктрины. В СССР с двадцатых годов с перерывом на годы войны имел место ежегодный двузначный рост экономики. При Хрущеве он сократился в прошлом году до 7%.

– Мы тоже прочли этот журнал, дядя Георг. – вступил в тему Дорш. – «Тайм» пишет, что Хрущев предложил поучиться у Запада, и перенести образование прибыли с уровня центрального правительства на уровень предприятий. Идея в том, чтобы при сохранении 100% государственной собственности отменить планирование и создать рынок. Якобы отказ от плановой экономики сам по себе сразу удвоит валовый внутренний продукт СССР.

– Так это не хитро, дорогой Манфред. – улыбнулся Заутер. – Эта реформа меняет главное целеполагание в советской экономике, целью для предприятий станет не количество тракторов или платьев, а получение прибыли как в США и на всем Западе. Это предполагает отказ от критериев оценки в

натуральных показателях и переход на стоимостные. При этом ежегодное снижение себестоимости, которое было строгой целью, станет никому не выгодным. Напротив, чтобы добиваться роста цены, прибыли и премий, директорам предприятий будет достаточно повышать себестоимость своей продукции. Это настоящая катастрофа, алгоритм саморазрушения экономики! Производительность труда в СССР будет снижаться, а объемы производства в натуральных показателях падать.

Заутер замолчал и подумал о том, в таком случае один и тот же кусок чугуна и любой другой продукт действительно вырастет в цене вдвое, и валовый внутренний продукт тогда автоматически удвоится. Но это уже будет бумажный валовый внутренний продукт и начало конца СССР. Члены Политбюро, скорее всего, просто не видят, что им предлагают не коррективы плановой экономики, а подмену их базовой экономической идеологии. Они живут в идеологических шорах, при этом живут безбедно, всем материальным они и их семье обеспечены в избытке. И он продолжил:

– В случае реализации предложений профессора Либермана в СССР быстро вернется двузначный рост экономики как при Сталине, но этот рост будет только на бумаге. Стоимостные показатели будут искажать реальное положение. Переход от статистики в натуральных показателях к статистике в стоимостных показателях позволит чиновникам на каждом уровне все больше приукрашивать свои бумажные отчеты, получать должности и ордена. В рублях на словах будет рост, а на самом деле падение производства. Но уже не будет статистики в натуральных показателях, которая смогла бы изобличить ложь чиновников.

– И каков Ваш прогноз, Георг? – задала вопрос Самарита. Она вспомнила рассказ главного редактора ее газеты о том, что инициатором реформ в СССР выступает профессор Евсей Либерман, муж советской пианистки Регины Горовиц, сестры знаменитого пианиста Владимира Горовица из Нью-Йорка. Не удивительно, подумала она, что Либерман предлагает России американский опыт. Он с ним прекрасно знаком. Но она промолчала.

– Кремль будут радовать растущие цифры стоимостных показателей. Допускаю, что они как временщики во власти войдут во вкус бумажных успехов и легко начнут тратить лишнее. В рыночной экономике это путь к инфляции и рецессии, а в плановой экономике это путь к постоянным дефицитам, то есть к саморазрушению. И в момент краха Бреттон-Вуда русские могут не захотеть возврата к финансовой дисциплине золота. И вот тогда США победили, война с СССР уже не будет нужна. Алгоритмы саморазрушения сделают свое дело, и коммунизм в России рухнет.

Франсуа, соглашаясь, добавил:

– Редакторы «Тайм» хвалят Либермана за то, что его идеи дают шанс для эрозии коммунизма. «Тайм» даже поместил фото Либермана прямо на обложке!

– Новое, однако, состоит в том, - вновь взял слово Георг Заутер, - что именно жизнь в долг у всего мира как современное проявление жизни в идеологии прибыли привела Америку к открытой войне с идеологией самодостаточности в СССР. Оставаясь в этой идеологии, Россия еще может вернуться к частной собственности и свободе предпринимательства. Ведь именно это открыто, хотя и осторожно предлагал Маленков вскоре после смерти Сталина.

– Косыгин имеет достаточно влияния и вполне может вернуть Маленкова и его людей во власть. – заметил Дорш. Из докладов немецкой разведки он знал, что премьер Косыгин и председатель советского парламента Микоян были очень близки. Они оба состояли в родстве с главой Ленинградской партийной организации Алексеем Кузнецовым. Сталин как-то сказал, что видит в Кузнецове своего преемника по партии, и это стоило тому жизни. Ход истории мог бы быть иным, если бы на три ключевые поста в Кремле пришли эти три человека.

– И вот теперь, - завершил свою мысль Заутер. – С целью надежно не допустить подобного возврата Америка и ведет войну уже вовсе не против коммунизма, а против базовой для России экономической идеологии самодостаточности.

– Муж тетушки Маргариты Сергей, русский князь по происхождению, - решила добавить Самаритана, – говорил, что в последние 40 лет правления Романовых Россия

испытала неслыханный подъем благодаря развороту Александра III в сторону самодостаточности. Он ел и пил только русское, одевался только в русские костюмы, ограждал русскую промышленность и село. Именно курс на самодостаточность позволил ему избежать войн.

Франсуа вспомнил самый красивый в Париже мост, подаренный Александром III, и улыбнулся.

Заутер продолжил:

– После хаоса, оставленного Лениным, Сталин построил модель плановой экономики без частной собственности, с единым центром прибыли. Сталин был кровавым диктатором, но экономика, несомненно, была его приоритетом. Советская плановая экономика построена на идеологии самодостаточности.

Франсуа жестом попросил слова:

– Но разница в экономике России до и после 1917 года не только в отношении к частной собственности. После революции в Париже жил крупнейший русский предприниматель-старообрядец Владимир Рябушинский, мы звали его Рахманиновым экономикой. Он рассказывал мне, что экономическая жизнь старообрядцев была нераздельной частью их духовной жизни. Рябушинский имел целостный взгляд на происходящее в мире. Он много раз говорил мне о том, что есть только одна свобода – свобода от греха, а все остальные свободы – просто иллюзии. Рябушинский говорил, что единственный успех в жизни человека – это вернуться в рай.

– Дядя рассказывал мне, что при Романовых старообрядцам запрещалось поступать в университеты, - заметила Самаритана. - Их знания состояли только из Библии. Но как раз ее все они знали наизусть. И знания Библии им вполне хватило, чтобы создать промышленность России. Старообрядцы хранили строгий аскетизм. Они имели общую собственность, как у первых христиан, и собирали колоссальные капиталы.

– Я бы сказал, что тема экономического аскетизма плавно переводит наш разговор в фундаментальное измерение. – Заутер встал из-за стола. Он подумал о том, что фундаментом аскетизма и самодостаточности служит смирение. Это слово от корня мир. Мир с Богом, мир с людьми вокруг, мир

с самим собой. Смирение предполагает, что человек всегда удовлетворен тем, что он имеет. Такой человек всегда богат и ни в чем не нуждается. Смиранный человек всегда счастлив. – *Аскет смиренен, ему нужно только насущное и не нужно лишнего, не нужна постоянная гонка за прибылью, роскошью, удовольствиями, которые и есть причина всех войн.*

– *Тогда получается, – встрепенулась Самаритана, – что и холодная война есть внешнее выражение войны двух базовых экономических идеологий?*

– *Это логично, – произнес Франсуа. – Классическая экономика немыслима без феноменального успеха русских старообрядцев до 1917 года. Но старообрядческая экономика в России давно уничтожена большевиками. Лишь ее небольшие кусты разбросаны по миру. Русская классическая школа экономики, как справедливо заметил Манфред, сегодня под гнетом хрущевского примата политики над экономикой. В России, как у старообрядцев, так и при Сталине была самодостаточность. Сталин в 1945 году даже полностью запретил любой импорт. Это был строжайший экономический аскетизм.*

Заутер вновь задумался. Жизнь большинства швейцарцев проникнута духом аскетизма. Женева в XVI веке была одним из центров реформации. Аскетизм протестантов был и остается ярким противопоставлением экономическим практикам, вытекающим из идеологии прибыли. В жилых домах Швейцарии самые низкие в Европе потолки. Швейцарцы живут в простоте. Крестьяне и ремесленники заняты тяжелым физическим трудом. Швейцарское качество – это итог упорного труда многих поколений. Швейцария независима именно потому, что она полностью экономически самодостаточна.

– *Я возлагаю надежды на Японию. –* неожиданно добавил Франсуа. – *Самураи всегда были аскетами. Централизованная система управления и роботизация труда в Японии могут создать реальную альтернативу экономическим доктринам, построенным на идеологии прибыли. Поражение в войне и потеря колоний вернули японцев к пониманию необходимости самодостаточности.*

– *А вот я возлагаю надежду на нового советского премьера Косыгина. –* произнес Заутер.

– *А почему вдруг Косыгин? –* удивилась Самаритана.

– *Косыгин прекрасно знает, как было до Хрущева и легко может вернуть Россию к двузначным цифрам экономического роста. А американскую экономику хорошо взбодрит конкуренция с СССР и Японией, –* был ответ хозяина замка.

– *В условиях золотого стандарта, предлагаемого де Голлем, –* вступил Манфред, – *при сохранении единого государственного центра прибыли и применения натуральных показателей как до Хрущева, Косыгин может стать для России вторым Столыпиным.*

– *Возможно, –* продолжил Заутер. – *Самодостаточность требует расчета в натуральных величинах. Надо точно знать, сколько на 1000 человек производится электричества, метров тканей, продуктов питания, пар обуви и так далее. А вот идеология прибыли, к которой приглашает реформа Либермана, наносит удар по базовой для России экономической идеологии самодостаточности. По своей разрушительной силе революция Либермана может превзойти революцию большевиков.*

– *И что должен сделать Косыгин? –* продолжала спрашивать Самаритана.

– *Я давно за ним наблюдаю. СССР выдержал удар Германии и победил во многом благодаря ученым русской школы классической экономики, –* в Заутере заговорил экономист-исследователь. – *Царские экономисты работали в идеологии разумной самодостаточности. Они разработали план развития России по модульным промышленным районам. Уже в советские годы в таких территориях создавались энергетические и транспортные мощности, готовились кадры. Упор был сделан на машиностроение. Скорее даже на машиностроение для машиностроения.*

Георг на минуту прервался, и жестом попросил Поля долить ему чаю. И, не спеша, сделав пару глотков, продолжил:

– *Русские успели всего за пятнадцать лет до начала войны построить девять тысяч модульных промышленных комбинатов. Все они состояли в полных циклах производ-*

ства и обеспечивали СССР полную самодостаточность. Порой мне кажется, что в своей экономической политике де Голль сегодня подражает Сталину. Так вот, когда началась война, русским удалось спасти свои производственные циклы от разрыва. Они успели буквально под гусеницами немецких танков демонтировать и погрузить оборудование сотен заводов, а также рабочих и их семьи в железнодорожные составы, перебросить их на Урал и запустить все модули в работу. Станки делали пушки и снаряды прямо в поле. Ни одна страна в мире не смогла бы повторить этот маневр. И руководил всей этой операцией в 1941 году 36-летний Алексей Косыгин.

На минуту на лужайке воцарилось звенящее молчание. И Заутер поставил заворачивающий аккорд:

– Поэтому не де Голль, а Косыгин – ключевая фигура современности. Именно Косыгин имеет потенциал стать вторым Моисеем! А вот Западу любой ценой необходимо, чтобы Косыгин на практике реализовал реформу поклонения золотому тельцу прибыли, затеянную Хрущевым. Ведь на Западе все сильнее примат материального над духовным. Хотя этому и сопротивляются такие лидеры как генерал де Голль.

– Получается, – произнес Дорш, – что главный внешнеполитический вектор для Америки – это не золото, а революция профессора Либермана? Да, пожалуй, она для США сегодня важнее всего. Ведь переход СССР к идеологии прибыли и ее легким деньгам исключит поддержку Кремлем инициативы де Голля по возврату финансовой дисциплины золотого стандарта. Франции одной без участия Советов с долларом не справиться. Тогда доллар сможет пережить грядущий крах Бреттон-Вуда, ему просто не будет альтернативы. Ведь Англия и Германия не поддержали идею де Голля о единой европейской валюте экю. А только золотой экю смог бы составить конкуренцию доллару.

– В руках Алексея Косыгина сегодня находится судьба не только России, но и Америки и всего мира. – Голос Заутера зазвучал как-то особенно серьезно. Георг вспомнил фото Косыгина в «Гайм». Если он повернет штурвал хрущевских реформ назад и поддержит де Голля и Франко в их борьбе за

золото и против доллара, тогда русские останутся в идеологии самодостаточности, а доллар потерпит фиаско. Он продолжил: – Сейчас идет беспрецедентная по накалу борьба за влияние на Косыгина с тем, чтобы он поддержал идею децентрализации прибыли в СССР.

– Ваши рассуждения логичны, Георг, – задумчиво произнес Франсуа. – Но все-таки главный вектор сегодня – это судьба золотого стандарта. Фактор времени выходит на первый план. Америка начинает терять свой золотой запас. При платежном дефиците в прошлом году, равном 20% золотого запаса, Вашингтон очень скоро дернет стоп-кран и прекратит обмен долларов на золото. Я сомневаюсь в том, что доллар при этом сохранит роль мировой резервной валюты.

– У Америки остается год времени, от силы – два года, – продолжил тему Заутер. – Чтобы добиться начатого Хрущевым перехода СССР к экономической идеологии прибыли.

– И я согласен с тем, – взял слово Дорш, – что в будущем многое решат два основных фактора – выбор экономической идеологии для СССР и кто победит – золотой стандарт или доллар. Пару месяцев назад я был в США. И там один русский старообрядец – золотопромышленник сильно удивил меня тем, что провел по линии золота границу между приоритетом духовного и приоритетом материального. То есть пограничные столбики на границе между экономической идеологией самодостаточности и экономической идеологией прибыли сделаны, по его мнению, из золота! Но по доктрине русских старообрядцев, по одну сторону границы золото – это инструмент для достижения духовных целей, по другую – идол для поклонения.

– Надо понаблюдать за тем, что делает Косыгин. Возврат частной собственности на уровне микроэкономики, как это предлагал Маленков, укрепит экономику. Либерман же предлагает сохранить 100-процентную государственную собственность, но нацелить всех на прибыль. То есть государство должно начать конкурировать само с собой. При такой парадигме экономика России развалится раньше, чем рухнет идеология коммунизма.

– А что экономическая реформа в России означает в контексте золота и угрозы мирового финансового кризиса, о которой говорил генерал Де Голль, – живо спросила Самаритана, адресуя вопрос всем собравшимся.

– Полагаю, что США, продолжая печатать пустые доллары, рано или поздно неизбежно потеряют контроль или над золотом, или над долларом. А значит, финансовый кризис неизбежен, – покачал головой Заутер. – Вопрос в том, сохранят ли русские свою экономическую модель, стоящую на идеологии самодостаточности, и будет ли она столь же убедительной для мира как полет Гагарина в космос. Необходим целостный взгляд на все уровни классической экономики – господствующую экономическую идеологию, экономические учения и доктрины, менталитеты и приматы, национальные модели в макроэкономике и в микроэкономике. Но, к сожалению, из-за двух мировых войн диалог экономистов на фундаментальные темы прервался два поколения назад.

– За исключением нашего генерала де Голля, – живо отреагировал Франсуа, – сегодняшние политики на Западе слушают только удобные им экономические учения. Не встречая сопротивления со стороны классической экономики, политика дает волю своей ненависти к золоту как разоблачителю алчных и бездарных, популистов и коррупционеров.

– Поэтому наш швейцарский франк полностью обеспечен золотом и служит экономической свободой Швейцарии. – задумчиво произнес Георг Заутер. – По сравнению с США мы живем скромно, зато в стабильности, ибо строго соблюдаем финансовую дисциплину золота.

– Дядя Георг, – вступил Манфред, – полтора года назад мы в Германии приняли специальный закон о группе из пяти независимых экономистов, которые выступают беспристрастными арбитрами между по-

литикой и экономикой. Мы очень рассчитываем на то, что эта группа поможет правительству рано распознавать шансы и угрозы в экономике. То есть мы сделали научную экономику юридически самостоятельным институтом нашего молодого правового государства. Это не суд, это не новая власть. У них есть только право на рекомендации. Решения за бундестагом. Но у них есть авторитет.

– Это хорошее национальное решение для Германии, дорогой Манфред. – Заутер встал, как бы подводя итог разговору, – я же говорил о всемирном фундаментальном диалоге экономистов, которого сегодня нет. Женева идеально подошла бы для создания такой площадки диалога экономистов, свободного от политики. Ибо там, где работает политика, не работает экономика. И там, где работает экономика, не работает закон.

Самаритана аккуратно сложила свои записки в сумочку и подняла руку:

– Георг, прошу слова! Предлагаю считать, что сегодня состоялся международный конгресс по классической экономике. Было очень интересно побывать в замке «Суд золота», дома у мастера, но теперь нам всем хочется прогуляться у озера!

Заутер был явно рад этой идее:

– Дорогие гости, действительно давайте отправимся на прогулку вдоль озера! Мы подведем туда на автомашинах, прогуляемся и сделаем фотографии на память. А вечером проведем викторину на самый оригинальный вопрос и самый оригинальный ответ. К примеру, какой вкус у здоровья? Что скажешь ты, Манфред?

– У здоровья вкус амаранта, дядя Георг, – Дорш вспомнил разговор в харчевне «Охотник», доброе лицо Данилы Штринева и улыбнулся.

©Быков А.Ю., 2021